

Рецензия / Review

DOI: 10.31857/S160578800021462-4

**Бурас М. М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники)**

**[Review:] Buras, M. M. *Linguists Who Came in from the Cold*. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series The Great Sixties) [In Russ.]**

История науки XX века обычно обходит лингвистику — главное место в ней по праву занимают физики и биологи. Отдельного слова заслуживают технологии — кибернетика, превратившаяся сначала в информатику, а затем в computer science, — в историческом плане о них пока сказано недостаточно, а современная лингвистика довольно близка к этой теме, потому что зарождалась на волне интереса к кибернетике и машинному переводу.

И вот только что появилась первая книжка об истории советской лингвистики второй половины XX века под интригующим названием “Лингвисты, пришедшие с холода”. Она охватывает краткий период меньше 20 лет, с середины 50-х до начала 70-х: от начала оттепели, к которой косвенно апеллирует название книги, — и до ее конца, который знаменует период “подписанства”. К началу коротко отсылает первая глава под названием “Начало эпохи”, конец — в связи с событиями в лингвистической среде, которую он существенно затронул, — довольно подробно описан в последней четвертой — “Конец эпохи”. Основная часть книги сосредоточена во второй и третьей главах: о значимых людях эпохи (“Герои”) и об институтах, которые были тогда созданы и на тот момент определяли развитие лингвистики (“Места их обитания”). Прежде чем перейти к этим главам, я скажу несколько слов о книге в целом и ее авторе.

Эту книгу можно назвать документальной в том смысле, что она основана на свидетельствах действующих лиц: живых интервью или опубликованных воспоминаниях уже ушедших. Такого рода свидетельства никогда не дают полной картины и, строго говоря, никогда не достоверны — это всегда бросается в глаза людям, так или иначе

причастным к делу. Отдельные воспоминания (и в этом читатель не раз убедится) часто прямо противоречат друг другу. Но полная картина и абсолютная точность не только невозможны, но даже не нужны этой книге, потому что это совсем не исторический труд. Зато собранные вместе, такие свидетельства дают очень важное и нужное ощущение прикосновения к эпохе, особенно для тех, кто вне ее, — и это та самая задача, которую решает автор.

Крайне важно, что и самому автору книги эта тема совсем не чужая. Мария Михайловна Бурас и причастна, и пристрастна, ведь она поступила на Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ сразу после того, как закончилась та эпоха, о которой она пишет, — и началась новая. Оппонентом на защите ее дипломной работы (позже опубликованной как [1]) о числовых показателях в русских распределительных конструкциях был Андрей Анатольевич Зализняк. (Он был хорошо знаком с этой темой, потому что незадолго до этого вышла их с Е.В. Падучевой статья, обратившая внимание на это явление [2]; [3].) Потом Мария Михайловна некоторое время работала во Всероссийском центре переводов (ВЦП), который отчасти наследовал Лаборатории машинного перевода в Ин’язе (об этой лаборатории есть большой раздел в четвертой главе), потому что именно там оказались почти все оставшиеся в СССР ее участники: и Юрий Мартемьянов, и Нина Леонтьева, и Иван Убин, и другие. Если бы обстоятельства ее жизни сложились чуть иначе, Мария Михайловна стала бы замечательным лингвистом, но она ушла в “Коммерсантъ” и стала замечательным журналистом, в частности научным журналистом — а теперь и писателем.

Это вторая книга М. Бурас, первая — “Истина существует” — об Андрее Анатольевиче Зализняке (одном из героев и третьей главы) вышла в 2019 году [4]. В ней был найден ее собственный документальный стиль: только свидетельства участников событий, автор в тени, он не виден, хотя на самом деле именно он — главный и талантливый дирижер этого несмолкаемого хора. В тот раз общий хор надо было выстроить вокруг голоса главного солиста, опираясь на большое интервью, которое в свое время дал Владимиру Андреевичу Успенскому сам Андрей Анатольевич Зализняк. В этой книге решена задача много более сложная: в ней нет главного солиста, отлично знающего свою партию (да еще и ведомого блестящим Успенским), нет и единой канвы в виде долгой, разнообразной и насыщенной жизни главного героя, которую в разные периоды одновременно наблюдают десятки других свидетелей. Поэтому по структуре новая книга ближе к очеркам — иной раз с повторяющимися участниками, но непрямо связанными друг с другом. Как если бы люди, собравшись за большим столом и не очень слыша друг друга, перебивая и подсказывая, с увлечением и удовольствием вспоминали давнее прошлое, свою молодость: друзей, учителей, работу, путешествия... Такой разговор обычно смолкает вдруг, на полуслове — и начинается другой, похожий. Мы можем не узнать ни подробностей чьей-то истории, ни ее развязки, сюжеты возникают спонтанно, даже не цепляясь друг за друга, не претендуя на полный охват событий, их временных или географических срезов. Но, как это всегда бывает, в них отчетливо слышен дух времени, и проступают его вдохновенные лица.

Вот, например, рассказ о Юрии Дерениковиче Апресяне в главе “Герои” — о судьбе его семьи и о нем самом. Рассказ доходит только до 1960 года, когда герой, уже выпускник и еще преподаватель Института иностранных языков, поступает в только что открывшуюся там Лабораторию машинного перевода. Его биография, рассказанная им в свое время для “Арзамаса” (именно к ней как к главному свидетельству отсылает книга) в этой части напоминает авантюрный роман — и тут он внезапно обрывается. Потому что дальнейшая жизнь Юрия Дерениковича в ту эпоху связана с Институтом русского языка, а о нем будет свой фрагмент в следующей главе (а потом еще в жизни Апресяна были Информэлектро, ИППИ РАН и снова Институт русского языка — но это уже другая эпоха, за рамкой этой книги). И только два голоса двух других героев звучат под конец этого очерка: страстный голос Игоря Мельчука,

друга навек, и бесстрастный торжественный — В.А. Успенского.

Героями в книге выбраны действительно выдающиеся личности. Нельзя сказать, что их выбор случаен — это лидеры лидеров, но они представляют узкий (всего восемь человек!) и только московский круг связанных друг с другом людей, по большей части, хорошо знакомых автору. Между тем, в другой (а может быть, просто следующей) книге в числе Героев вполне мог бы оказаться, например, основатель Петербургской типологической школы А.А. Холодович, или выдающийся аспектолог Ю.С. Маслов, или знаменитый Ю.В. Кнорозов, или И.И. Ревзин и В.Н. Топоров, сыгравшие такую большую роль в организации сектора структурной типологии в Институте славяноведения, или А.Б. Долгопольский и все остальные участники созданного тогда ностратического семинара, или, например, Н.В. Охотина, создавшая практически на пустом месте сильнейший коллектив африканистов. А ведь были еще центры новой лингвистики в Новосибирске, Томске, Нижнем Новгороде, Киеве... Оттепель открыла шлюзы науке и творчеству. Очень важно, что вокруг великих были многие — им было на кого опереться и было из кого выбирать.

На самом деле не столь важно, что в этой книге всего этого нет: как мы уже говорили, она построена так, что отсутствие имен и событий не воспринимается как лакуны. Зато каждый из уже выбранных настолько значим для общего сюжета, что заслужил бы отдельной книги, и каждый очерк — это всегда рассказ прежде всего о личности и каких-то ярких запоминающихся эпизодах, которые ее высвечивают. Вот история Успенского о разговоре с Колмогоровым в международном вагоне: “Я вас превосхожу, — говорит Колмогоров. — И совсем не в том, в чем вы думаете. Вы получаете удовольствие от езды в международном вагоне. Я тоже получаю удовольствие от езды в международном вагоне. Но я могу получить удовольствие и от езды на третьей полке — а вы не можете!” И лаконичный комментарий Успенского: “Он был прав”.

С некоторой долей условности героев можно было бы разделить на лингвистов, давно ставших классиками благодаря своим работам, и организаторов новой науки. А.А. Зализняк — классический кабинетный ученый, чуравшийся всех на свете постов и всех на свете чиновников, включая даже вахтеров МГУ, которые почему-то всегда задерживали его при входе, даже с членским билетом РАН. Его жена, выдающийся лингвист Елена Викторовна Падучева, не могла и не любила работать

в команде, в соавторстве, организаторство как деятельность было ей совершенно чуждо. А.К. Жолковский тоже никогда не занимал никаких постов.

Напротив, Вяч.Вс. Иванов, конечно, написал много книг, в том числе и очень масштабных в научном плане, но его главный интерес лежал как раз в области организаторства: собирать и вдохновлять людей для воплощения больших идей и проектов и создавать новые институции. История с его выступлением в защиту Пастернака, с которым он был хорошо знаком с детства (они были непосредственными соседями по даче в Переделкино), лишила его возможности преподавать — а он был талантливым учителем, и его первые ученики, из которых потом выросли Герои — Зализняк, Падучева, Мельчук, — всегда отдавали ему должное. Но отлучение от университетской кафедры подстегнуло его деятельность, как теперь бы сказали, научного топ-менеджера: он всегда начальствовал сразу над несколькими отделами, проектами и учреждениями — и позднее даже стал народным депутатом СССР от Академии наук.

В.А. Успенский вообще не лингвист, а математик — математик высокого класса, которого возвысил великий А.Н. Колмогоров, возведя в свои ученики. Правда, помимо математических, у него есть несколько действительно замечательных лингвистических работ и целых пять томов «Трудов по нематематике». Но главной своей заслугой (наряду с организацией докторской защиты А.А. Зализняка одновременно с его кандидатской) он с гордостью считал сугубо организационную, а именно создание модели нового лингвистического образования, по которой работает ОТиПЛ в МГУ и все подобные ему программы — а в 2010 году их в стране было уже 26!

В.Ю. Розенцвейг — прежде всего организатор, основатель машинного перевода и руководитель знаменитой лаборатории в Ин'язе, а уж потом автор брошюры о языковых контактах и небольшой книжки о машинном переводе в соавторстве с И.И. Ревзиным. Успенский сравнивал его с Дягилевым: «Виктор Юльевич Розенцвейг сделал для российской лингвистики больше, чем многие лингвисты, хотя сам он и не был крупным лингвистом. Да его и не надо оценивать по этой шкале. С.П. Дягилев не был ни танцовщиком, ни хореографом, ни декоратором; однако его вклад в становление балета уникален»<sup>1</sup>.

<sup>1</sup> М.М. Бурас справедливо замечает (с. 93), что образ Дягилева и его, так сказать, функционал, видимо, не давали Успенскому покоя и были ему очень близки; она переадресует эти его слова самому Успенскому, что тоже вполне точно.

Но иногда границу между учеными и организаторами провести непросто. Игорь Мельчук — автор десятков, как теперь бы сказали, инновационных статей: о грамматических и словообразовательных значениях, супплетивизме, конверсивах, определении залога и мн. др., создатель цельной модели языка (известной как модель «Смысл  $\Leftrightarrow$  Текст»), один из зачинателей машинного перевода, построенного с учетом семантики и опирающегося на принцип перифразирования. Он не был администратором — и в этом смысле он стоит в том же ряду, что Зализняк или Жолковский. Но он был лидером и, как никто, умел объединять людей вокруг своих идей и своей модели, завораживая их своим энтузиазмом и конструктивной энергией. Люди стремились в его (хотя формально — Розенцвейга) лабораторию, просили принять их на работу, шли к нему в ученики. Он связывал лингвистов разных институций не только на научных семинарах, но и в незабываемых мельчуковских походах, эти походы тоже были своего рода рекламой модели «Смысл  $\Leftrightarrow$  Текст» и стоящих за ней идей.

Заметим, что потенциал такого рода, может быть, позже, но обнаружился и во всех других Героях: чуть позже Ю.Д. Апресян уже руководил небольшой группой в Информэлектро, потом в ИППИ РАН и другой — в ИРЯ РАН. Он стал академиком в 1990-е и по праву — самым цитируемым лингвистом России. Но популярность его росла сама собой задолго до всех статусов и вопреки их отсутствию. Ему не только запретили работать в Академии наук, но запретили и преподавать — и это очень большая потеря: тогда он был замечательным лектором. Студенткой (кажется, в 1978 году) я ходила на его лекции в МГУ для повышения квалификации преподавателей русского языка — совершенно блестящие. Большая девятая аудитория была полностью заполнена. Ввиду их небывалой популярности лекции были прерваны на середине и курс по распоряжению начальства закрыт.

Е.В. Падучева была известна в более узком сообществе — она почти не читала лекций, но только потому, что не любила педагогическую деятельность. Однако ее роль человека мира, с большим кругозором и лингвистической образованностью, которую она ценила в людях и тщательно поддерживала в себе, превратила ее в настоящего научного просветителя — для самого широкого круга читателей.

А.К. Жолковский стал читаемым писателем — а это в современной культуре и действительности почти немыслимое дело. Сейчас кажется, что

при иной жизни он мог бы возглавить отличный журнал или газету, или (моднее) — канал, словом, какой-нибудь “коллективный организатор”.

Общественный темперамент А.А. Зализняка открылся прежде всего в письменной и устной полемике с математиком А.Т. Фоменко, автором “Новой хронологии”, в самом конце 1990-х и начале 2000-х, в которой Зализняк показал себя выдающимся ритором. Но и в Солженицынской речи, и в поточных новгородских лекциях его азарт и страсть до сих пор завораживают сотни людей, как когда-то на лекциях по введению в лингвистику на маленьком Отделении структурной и прикладной лингвистики завораживали всего 20 студентов (которые, однако, такого Зализняка — трибуна и всенародного просветителя — и представить себе тогда не могли).

И все-таки из них из всех по масштабу значимости сделанного для организации науки В.А. Успенский стоит особняком. Отец его был драматургом, на драматурга стал учиться его внук — но он и сам был своего рода драматургом всей пьесы про совершенно новую лингвистику, и эта роль ему страшно нравилась. Успенский хотел создать факультет лингвистики в главном учебном центре страны — Московском государственном университете (а затем, возможно, других). Но для этого нужно было сначала организовать какое-то высокое распоряжение или постановление (им стало Постановление Президиума АН СССР от 6 мая 1960), собрать и увлечь будущих преподавателей и двигателей этой науки, а еще надо было создать им (и на будущее) рабочие места — и тоже в самых лучших научных центрах Академии наук. Он не только видел поле боя целиком, но и придумывал план наступления (организовывал объединяющие силы семинары, конференции, симпозиумы — и **традиционную** с самого первого раза лингвистическую олимпиаду), а также непосредственно участвовал в самой организации многих редутов (лабораторий, отделов и отделений). Конечно, он делал это не сам и не один: он находил соратников и союзников (или они его находили), но находил легко, и все, кто с ним делил этот труд, работали с удовольствием и с пониманием той цели, ради которой все делалось. Лингвистические задачи придумал Зализняк, идею лингвистической олимпиады придумал тогдашний студент ОСиПЛ (Отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ) Алик Журинский — но Журинский со своей идеей пришел именно к Успенскому, и из главы, которая целиком посвящена Московской лингвистической олимпиаде, мы понимаем, что этой

олимпиады просто никогда бы не было, если бы не Успенский.

Он умел с неподдельным интересом разговаривать с совершенно разными людьми так, что они от этих разговоров тоже получали радость, — от уборщицы в МГУ до всемогущего академика В.В. Виноградова (в то время директора академического Института русского языка, который теперь носит его имя), приглашавшего совсем молодого математика без всяких регалий к себе в гости. Ректор И.Г. Петровский спрашивал у него, тогда 30-летнего, совета, как и директор ВИНТИ, тоже всемогущий, любые академики — А.Н. Несмеянов, А.А. Ляпунов, Р.В. Хохлов, Р.И. Аванесов, трехзвездный адмирал А.И. Берг (в прошлом заместитель министра обороны) — и так далее, и так далее, готовы были с ним говорить. Успенский обладал ключом ко всем на свете людям, угадывал их, и они сами собой расставлялись как шахматные фигуры. С людьми ему было интересно: они его удивляли, каждый — по-своему, и он умел мгновенно поразить их воображение — заставить остановиться и, если надо (а как часто для дела это было просто необходимо!), вникнуть в проблему. Любимой цитатой из любимых Стругацких — “никто никогда ничего не мог им доказать, только Странник мог” — он с восхищением описывал В.Ю. Розенцвейга, но и сам был таким, причем в превосходной степени.

О том, как это все разворачивалось, увлекательно рассказано во второй части книги, которая условно названа “Места их обитания”. Ее стоит прочесть не только тем, кто никогда не слышал о структурной лингвистике, но и тем, кто был и до сих пор остается с ней связан, например, закончил ОСиПЛ / ОТиПЛ: рассказы Марии Михайловны Бурас и ее собеседников помогают понимать человеческий, исторический и научный контекст, в котором все тогда происходило — хотя бы в Москве.

Параллельно ОСиПЛу (история и судьба которого подробно рассказаны в отдельном очерке), по стечению обстоятельств не ставшему факультетом и навсегда оставшемуся маленьким отделением на филфаке МГУ, существовало Отделение машинного перевода в 1-м МГПИЯ (Институте иностранных языков — теперь им. Мориса Тореза), инициированное В.Ю. Розенцвейгом и И.И. Ревзиным, где тоже учили новой лингвистике и преподавал И.А. Мельчук. Как университетский центр ОСиПЛ сразу и навсегда стал научным центром новой лингвистики. А в Ин’язе рядом с Отделением открылась знаменитая Лаборатория машинного перевода, которую мы уже

упоминали и о которой в книге тоже есть подробнейший очерк. Одновременно в Москве были тогда же открыты еще четыре замечательных научных центра: Лаборатория электромоделирования (превратившаяся затем в Отдел семиотики) ВИНТИ, Сектор структурной типологии в Институте славяноведения АН СССР, Сектор структурной лингвистики в Институте русского языка АН СССР и Сектор структурной и прикладной лингвистики в Институте языкознания АН СССР. Все они стали главными московскими “местами обитания”. Их “население” перемешивалось и умножалось в походах, экспедициях, на научных семинарах и многочисленных капустниках, на больших тематических конференциях (по машинному переводу, семиотике, математическим методам и др.) — и об этих конгломерациях и миграциях тоже есть в книге.

Но откуда брались эти люди? И почему они так быстро и с готовностью откликнулись на новые веяния? Ведь не Джорджтаунский же эксперимент по машинному переводу? Да и машинным переводом занимались единицы... Все это только своего рода триггеры и маскировка. Ответ на этот вопрос в том, что новая лингвистика позиционировала себя как негуманитарная наука — а значит, предлагалась ее деидеологизация: она приравниваясь по статусу к физике и математике, могла позволить себе не быть ни социалистической, ни капиталистической и не содержать вечных ритуальных ссылок на Маркса, Энгельса и Ленина (цитирование которых в гуманитарных науках было практически обязательным). От литературоведения, таким образом, лингвистика решительно отделялась. В переписке с Колмогоровым, отражавшей споры и мечты трех единомышленников (В.А. Успенского, Вяч.Вс. Иванова и М.К. Поливанова), предлагалось причислить литературоведение (как и искусствоведение) к искусству — «как специфичный “вторичный” жанр <...>, жанр, отражающий в “образах” не самую натуру, а отображение ее в первичных жанрах» [5, с. 685]. Лингвистике же предлагалось родиться заново как науке, предназначенной открыть истину. А “игрушечные” лингвистические задачи заставляли верить, что это действительно возможно. Это привлекало и вдохновляло.

И тут как раз можно вспомнить про название книги, потому что все эти люди, в соответствии с ним, как бы “пришли с холода”. Честно говоря, название мне не кажется удачным. Автор не виноват в этом: я случайно знаю, что начальное название было отклонено издательством, которое потребовало чего-то более броского.

Новое, пожалуй, оказалось слишком броским и, по справедливому замечанию И.А. Мельчука на презентации этой книги в центре “Кентавр”, по-хорошему требует еще одного введения. Мельчук это введение представил тогда устно: он-то как раз, будучи студентом МГУ, застал “холод” (до 1953 года) и отчетливо и остро ощутил прошедшую потом оттепель. Но, конечно, это оттепель пришла к ним, а не они (неожиданно для себя) попали в какое-то неизвестное им место — “с мороза”. К тому же совершенно лишними оказываются ассоциации, вызываемые знаменитым романом Джона Ле Карре 1963 года “Шпион, прошедший с холода” (“The Spy Who Came in from the Cold”): ведь эта книга — не про украденные секреты, а про то, как свобода мысли будит творчество и создает новую действительность. И про “главных создателей той атмосферы, без которой многим достижениям лингвистической науки было бы трудно, а то и вовсе не суждено осуществиться в нашей стране” [5, с. 1310].

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бурас М.М. Выбор числового оформления русских существительных в дистрибутивном употреблении // ИРЯ АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. М., 1985. Вып. 168.
2. Зализняк А.А., Падучева Е.В. О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных // Семиотика и информатика, вып. 35: Opera selecta. 1997 (1974). С. 7–14.
3. Падучева Е.В. Статьи разных лет. М.: ЯСК. 2009. С. 204–211.
4. Бурас М.М. Истина существует. Жизнь Андрея Зализняка в рассказах ее участников. М.: Individuum, 2019.
5. Успенский В.А. Труды по нематематике. Том 2. М.: ОГИ, 2002.

## REFERENCES

1. Buras, M.M. *Vybor chislovogo oformleniya russkikh sushchestvitelnykh v distributivnom upotreblenii* [The Choice of Numerical Constructions of Russian Nouns in Distributive Use]. *IRYA AN SSSR. Problemnaya gruppa po eksperimental'noy i prikladnoy lingvistike. Predvaritelnye publikacii* [The Russian Language Institute of the USSR Academy of Sciences. Problem Group on Experimental and Applied Linguistics. Preliminary Publications]. Moscow, 1985. Issue 168. (In Russ.)

2. Zaliznyak, A.A., Paducheva E.V. *O kontekstnoj sinonimii edinstvennogo i mnozhestvennogo chisla sushchestvitelnyh* [On Contextual Synonymy of Singular and Plural Nouns]. *Semiotika i informatika*, vyp. 35: *Opera selecta* [Semiotics and Computer science, Issue 35: Opera selecta]. 1997 (1974), pp. 7–14. (In Russ.)
3. Paducheva, E.V. *Statji raznyh let* [Articles from Different Years]. Moscow, YASK Publ., 2009, pp. 204–211. (In Russ.)
4. Buras, M.M. *Istina sushchestvuet. Zhizn' Andrey'a Zaliznyaka v rasskazah ee uchastnikov* [The Truth Exists. The Life of Andrei Zaliznyak in the Stories of Its Participants]. Moscow, Individuum Publ., 2019. (In Russ.)
5. Uspensky, V.A. *Trudy po nematematike. V 2 t. Tom 2* [Works on Non- Mathematics. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, OGI Publ., 2002. (In Russ.)

Е. В. Рахилина  
доктор филологических наук,  
руководитель Школы лингвистики факультета гуманитарных наук  
Национального исследовательского университета  
“Высшая школа экономики”,  
Россия, 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20,  
ведущий научный сотрудник Института русского языка  
имени В.В. Виноградова РАН,  
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2  
rakhilina@gmail.com.

Ekaterina V. Rakhilina  
Doct. Sci. (Philol.),  
Professor of the Faculty of Humanities, School of Linguistics,  
National Research University  
“Higher School of Economics”,  
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russia,  
Leading Researcher of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute  
of the Russian Academy of Sciences,  
18/2 Volkhonka Str., Moscow, 119019, Russia  
rakhilina@gmail.com

Дата поступления материала в редакцию: 10 апреля 2022 г.  
Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 мая 2022 г.  
Статья принята к публикации: 29 июня 2022 г.  
Дата публикации: 31 августа 2022 г.

Received by Editor on April 10, 2022  
Revised on May 27, 2022  
Accepted on June 29, 2022  
Date of publication: August 31, 2022

**Для цитирования:** Рахилина Е.В. (рец.) Бурас М.М. Лингвисты, пришедшие с холода. М.: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2022. 410 с., ил. (Великие шестидесятники) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 4. С. 109–114. DOI: 10.31857/S160578800021462-4

**For citation:** Rakhilina, E.V. (Rev.) *Buras M.M. Lingvisty, prishedshie s holoda. M.: Izdatel'stvo AST: Redakciya Eleny Shubinoj*, 2022. 410 s., il. (*Velikie shestidesyatniki*) [[Review:] Buras, M.M. *Linguists Who Came in from the Cold*. Moscow, AST Publishing House: Editorial of Elena Shubina, 2022. 410 p., ill. (Series *The Great Sixties*) [In Russ.]]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serîâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2022, Vol. 81, No. 4, pp. 109–114. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800021462-4